

Леонид ЗИМАН,
доцент Московского городского педагогического университета
и Московского государственного университета культуры и искусств

Эдит Несбит

Как много можно успеть сделать... в книжках!

К 150-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АНГЛИЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ЭДИТ НЕСБИТ

Об одном из персонажей повести Эдит Несбит «Искатели сокровищ» говорится, что он «ужасно умный, хоть ему и приходилось писать книжки для взрослых» (цит. по переводу О. Демидовой).

Сама Эдит Несбит (1858 — 1924), прежде чем создавать удивительные по изобретательной интриге, полные приключений и насыщенные неистощимым юмором детские книжки — недаром её считают создательницей нового жанра литературной сказки XX века, — писала и стихи, и романы, и критические эссе для взрослых, которые пользовались успехом у читающей публики.

В США по сей день популярны её любовные романы и триллеры. Но подлинного признания достигла она, когда в 41 год, в 1899 году, написала «Искателей сокровищ». И с тех пор юные читатели с нетерпением ожидали новых сказок и повестей, которые постоянно появлялись на книжных полках.

Весь образ жизни писательницы являл собой насмешку над викторианской Англией: она курила, носила короткую стрижку, одежду мужского покроя, шокировала окружающих ездой на велосипеде в панталонах. Поражала всех своей энергией, гибкостью стана, спортивностью — даже после того, как родила четырёх детей. Никто из друзей её первого мужа-журналиста не мог победить её ни в беге, ни в плавании,

Л.Я. Зиман

ни в верховой езде. К этому следует добавить, что она прекрасно танцевала, музицировала, вышивала, ставила благотворительные спектакли, макетировала волшебные города с дворцами и храмами, которые экспонировались на различных выставках. Если нужно было починить водопровод или выполнить плотницкие работы по дому, этим занималась Эдит Несбит, а не её муж.

Подписывала свои произведения *E. Nesbit* — и многие, среди них Оскар Уайльд и Герберт Уэллс, который потом станет од-

Оскар Уайльд

Герберт Уэллс

ним из её друзей, считали, что автор — мужчина, не подозревая, что пишет эти произведения прекрасная хозяйка, искусная кулинарка, заботливая жена, «тянувшая» больного мужа, и многодетная мать: кроме четырёх своих, она воспитывала двух детей мужа. Никаких различий в отношении к себе они не ощущали — все дети Эдит Несбит.

Младшая из шести детей агрохимика, главы сельскохозяйственного колледжа, она с трёх лет осталась без отца и рано испытала материальные тяготы, которые преследовали её и в дальнейшем: муж-журналист, бывший банковский служащий, был обобран скрывшимся мошенником-компаньоном. И, пока не получила всеобщее признание, вынуждена была зарабатывать самыми различными способами: сотрудничала в газетах, раскрашивала рождественские открытки, выступала с декламацией стихов, в том числе своих, которые впоследствии были опубликованы.

В «Искателях сокровищ» (справедливости ради надо сказать, что и раньше Эдит Несбит предпринимала попытки писать для детей, но именно эта повесть утвердила её как популярного автора детских книг) отразился жизненный опыт писательницы.

Шестеро братьев и сестёр, оставшиеся без матери и одержимые желанием поправить пошатнувшееся финансовое состояние семьи, пускаются в различные предприятия, где перемешиваются подлинные реалии различных форм «бизнеса» (рекламирование товаров, например) и чисто детская игра, навеянная прочитанными книгами: дети ищут сокровища, становятся сыщиками, находят принцессу, захватывают пленника и т.д.

Вслед за первой повестью появляются ещё две об этих же мальчиках и девочках — о семье Бастейблов. Первая книга заканчивается появлением богатого дядюшки — частый в викторианской литературе намёк на невозможность реального разрешения проблемы. Во второй книге трилогии, озаглавленной «*The Would-Be-Good*» («Общество «Постараемся быть хорошими», на русском языке книгу называют «Фантазёры»), дети создают общество, где должны совершаться добрые дела. Часто эти добрые дела, продиктованные детской логикой, выливаются в шалости и озорство.

Надо сказать, что члены семьи Бастейблов появлялись и в романе для взрослых под названием «Красный дом». **Здесь дети**

«увидены» глазами взрослых. В детских произведениях, наоборот, взрослые «увидены» глазами детей. Думается, их зрение зорче.

В повестях о семье Бастейблов нет ничего фантастического, но неистощимые на выдумку персонажи превращают их в произведения на грани реальности и фантастики. В следующих произведениях — подлинно фантастические персонажи.

Детские книжки Несбит обычно делят на «короткие сказки» и «длинные повести». И в тех и в других интегрируются жанры волшебной сказки и семейной (иногда и школьной) повести или рассказа. Повести во многом предваряют столь популярный в наше время жанр фэнтези. В частности, ими восхищался **Клайв Стейплз Льюис, автор «Хроник Нарнии», считавший Несбит одним из своих учителей.**

В сказках Эдит Несбит постоянны реминисценции и переосмысления образов фольклора (причём не только английского — можно встретить, например, упоминание о русских хоровах) и известных писателей. Это и Льюис Кэрролл, и Роберт Льюис Стивенсон, и Фенимор Купер, и Артур Конан Дойл, и др. Писательница как бы обращается к юному читателю на «знакомом» ему языке. Герои сказок, как и читатели, знают, какие последствия могут их ожидать иногда:

...Если вы король и вам не хочется, чтобы на крестинах вашей дочери была злая фея, то, как бы вы ни поступили, всё равно выйдет скверно. Если вы её пригласите, она придёт, а если не пригласите, тем более придёт... (цит. по переводу Г. Кружкова).

Что же делать бедным королю и королеве, героям сказки «Тысяча верных копий»? Никого не звать на крестины — обидятся добрые феи. И они устраивают тайные крестины в подвале замка, по законам отнюдь не сказочной конспирации (они же читали детективные романы!). Король и королева рассылают приглашения в виде счетов от булочника, на оборотной стороне которых наносят нужный текст лимонным соком, темнеющим от огня. Все гости, тщательно замаскировавшись, а феи — ис-

Худ. С. Бордюг, О. Филипенко

пользуя свои возможности волшебных превращений, тайно проникают на крестины. Разумеется, это не помогает: злая фея Малевола (имя значащее: в переводе с итальянского — *злонамеренная*) разгадывает «коварный» замысел королевской четы и, превратившись в жабу, проникает в подвал замка... через сливную трубу от котла.

Принцесса Мелисанда из одноимённой сказки в результате «волшебных» интриг растёт с невероятной скоростью, но, вспомнив аналогичный случай из «Алисы в стране чудес», перестаёт плакать по этому поводу.

А другая принцесса — из сказки «Принцесса и кошка» — выпускала мышей из мышеловок в буфете, кротов — из ловушек в парках, кормила птичек во дворце. Это вызвало явное неудовольствие у дяди-регента (принцесса была сироткой). Неудивительно, пишет Э. Несбит, в каких сказках можно найти дядю, который был бы добрым и порядочным человеком... А между тем все, кого выпускала на волю принцесса, потом оказывают ей — заточённой в башне на острове Одиночества — неоценимую услугу. Так традиционный, из фольклора идущий мотив волшебных помощников вплетается в сюжет, навеянный событиями XX века: о том, как в некоем королевстве вместо того, чтобы заварить чай в пять часов (вспомним кэрролловское «безумное чаепитие»), заварили кашу под названием революция.

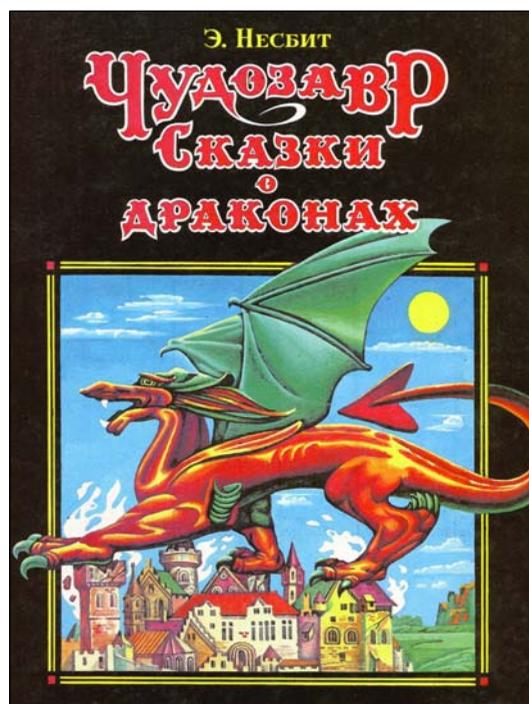
В полных неожиданных происшествий сказках Несбит естественно сопоставление героев с Шерлоком Холмсом. Но не всегда в пользу последнего. Мальчик Джеральд, герой сказочной повести «Заколдованный замок», понял, по его словам, *«ничто, до чего не додумался старый Шерлок Холмс... Если вы хотите замаскироваться, чтобы вас никто не узнал, надо просто выглядеть самим собой»* (цит. по переводу Е. Пудовкиной). В этих словах — в чём-то ключ к поэтике Несбит. Живые, всамделишные дети попадают в самые невероятные сказочные ситуации и остаются при этом самими собой — живыми детьми. Говорят, что во многих произведениях их прототипами были дети писательницы.

Неудержимая фантазия детей и их постоянная готовность к приключениям, часто почерпнутым из прочитанных книг, является, наверное, главным источником

фантастических перипетий сюжета. Дети у Несбит мечтают стать и сыщиками, и феями, и разбойниками, и пиратами. А Мейбл, героиня «Заколдованного замка», хочет выйти замуж за разбойника и помогать... «убегать его пленникам».

На пирата или разбойника хотел выучиться Билли Кинг, только бы не сидеть в конторе за скучными цифрами... Но когда он увидел объявление о том, что требуются короли, то решил, что именно эта профессия ему подходит (тут и игра слов: фамилия героя означает король, и сказка названа **“Billy the King”**). Билли доставил себя королевской почтой, т.е. наклеил на себя марку и опустил в почтовый ящик. Здесь мы видим лингвистическую игру в духе Льюиса Кэрролла: королевской почтой отправляют королей и королев. Билли был принят на должность короля с шестимесячным испытательным сроком, который заключался в том, чтобы не делать ничего, чего не захочется...

Да, профессия короля не совсем обычная. Королям, например, «позволяется всё знать, ничему не учась» (цит. по переводу Н. Рахмановой). Вот и Билли сразу же стал читать Вергилия в подлиннике. (Как известно, пушкинский герой помнил лишь два стиха из «Энеиды», да и то «не без греха».) Всё дело в том, что на учение у королей

Худ. М. Матросов

попросту нет времени. Оказывается, раз в месяц сюда приплывает двуглавый дракон (одна голова у него свиньячья, другая — как у ящерицы), которого кормят королями и королевами. Вообще-то у него разнообразное меню, но раз в месяц — короли и королевы. Вот почему королевская должность оказалась вакантной. Естественно, Билли удаётся перехитрить дракона... при помощи патоки, которая, нагретая огнедышащим драконом до кипения, впоследствии охладела и затвердела, превратившись в ирис. Теперь все жители королевства — вслед за Билли — катаются на коньках по этому «паточному» морю, а дети откалывают кусочки ириса и с удовольствием едят. Но и это ещё не всё: в королевстве создали ирисовые прииски и открыли «международную» торговлю этими сладкими конфетами.

Юмор, пронизывающий произведения Несбит, органично вплетается в самые невероятные — иногда совсем не смешные — сказочные ситуации. Герои сказок живут в XX веке, поэтому — даже если они принцы и принцессы — пользуются ванной и газом, ездят в поездах, а не в каретах, поднимаются в свои апартаменты на лифте. В королевском подвале в сказке «Тысяча верных копий» была котельная для отопления замка в холодное время года, и, как уже говорилось, злая фея сумела воспользоваться сливной трубой от котла и наделить принцессу, а заодно и её родителей, своими «жестокими» дарами. Изгнанные из замка король и королева снимают теперь полдома и живут на пенсию короля в отставке, королева при этом посещает вечерние курсы домашнего хозяйства при Королевском институте. А в «Книге зверей» король играет с премьер-министром в увлекательную игру «крестики-нолики», пока Канцлер занимается безумно скучным делом — подсчитывает государственные доходы. Приметы повседневной жизни сочетаются в сказках Несбит с древними чудесами волшебных сказок. Потом этот приём станет чуть ли не знаковым у многих наших сказочников — у В.А. Каверина, Э.Н. Успенского и других.

Среди персонажей сказок большое место занимают драконы — самые разные: от микроскопически маленьких (один из них попал, как соринка, в глаз девочке) до гигантских, которые могут проглотить не только слона, но подчас и целый город. В

одной из сказок дракон отказывается есть принцессу: «У меня не настолько дурной вкус», — говорит он (цит. по переводу В. Дорогокупли). Тщетно ждала принцесса, что её спасёт героически настроенный принц, зато у принца оказалась в машине запасная канистра с бензином. В итоге дракон, которому надоело быть анахронизмом (на дворе уже XX век), становится первым в мире аэропланом («Последний дракон»). А другой дракон — из «Книги зверей» — похищает футболистов вместе с судьёй, мячом и футбольными воротами. Он в послеобеденный час «должен был отдыхать под каким-нибудь деревом, чтобы не перегреться на солнце»... и не самовоспламениться (цит. по переводу Г. Кружкова).

Часто драконов укрощают дети. В сказке «Укротители драконов» — с помощью

Худ. М. Матросов

хлеба и молока, которые покажутся дракону куда более изысканным лакомством, чем люди. Любопытно, что у дракона, сидящего на цепи и питающегося хлебом и молоком, отваливается ржавая броня и остаётся лишь мягкая и пушистая шёрстка — он превращается в домашнюю кошку. Задолго до того, как произошла эта метаморфоза, кузнецу удалось связать этого дракона, намеревавшегося съесть всех жителей города. Как же отблагодарили тогда кузнеца? Были сочинены три поэмы, которые *«имели громадный успех, особенно у головы и членов городского правления».*

В первой поэме говорилось о благородном поведении головы, распорядившегося связать дракона. Во второй описывалось содействие, оказанное ему членами городского правления. В третьей выражалась

гордость и радость поэта, получившего разрешение воспеть подобные деяния...

... для кузнеца не осталось ничего, кроме лаврового венка и сознания, что именно он спас город» (цит. по переводу М. Ириус).

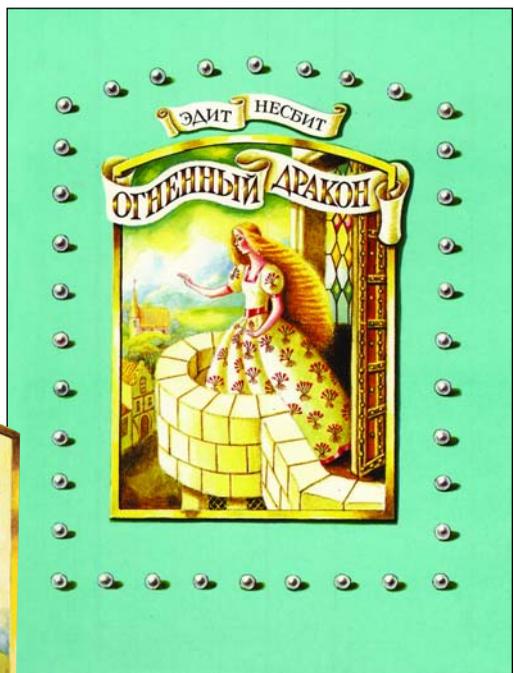
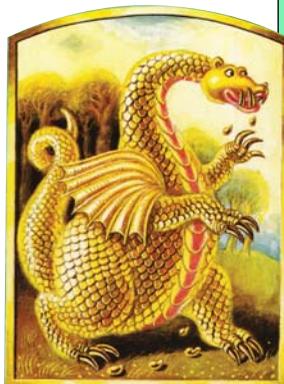
«Освободителями своей отчизны» стали герои сказки с таким названием — девочка Эффи и её брат Гарри. Они уничтожили целое нашествие драконов. По наущению навсегда, казалось бы, уснувшего мраморного Георгия Победоносца дети отыскивали учреждение, «из которого регулируется погода», и открыли краны «Снег» и «Дождь». Когда вода потушила находящийся внутри драконов огонь, те, естественно, скончались. Кран «Яркое солнце» оказался испорченным — вот почему в Англии сырой климат. Шуточные мифологические объяснения реальных явлений характерны для сказок Эдит Несбит.

Спасает свой город, застрявший в горле слишком пожатничавшего гигантского дракона, «маленький добрый Эдмонд» из одноимённой сказки. Этот мальчик разбирает часы, чтобы узнать, что заставляет их идти, разрезал резиновый мяч, чтобы посмотреть, что заставляет его прыгать. «Он удирал из школы... потому что у него было доброе сердце и он не мог переносить мысли, что время и труд учителя тратятся напрасно... а между тем на свете такое множество достойных мальчиков, жаждущих изучить географию, историю, чтение и арифметику». В один из таких побегов он разжёл костёр с помощью веток и «пары учебников, которые он забыл потерять до сих пор», и спас таким образом от голодной смерти питавшегося огнём галогрифа. А галогриф, в свою очередь, помог Эдмонду заставить дракона «откашлять» город. Город оказался в другом месте, но на старой географической карте зафиксировано его новое местоположение. Прямо-таки как в оруэлловском Министерстве правды. «И никто, кроме Эдмонда, — пишет Несбит, — не мог понять, что сотрясение, полученное городом, когда дракон проглотил его, перевернуло все карты и сделало их неточными» (цит. по переводу М. Ириус).

Сатирический подтекст — ещё одна черта сказок Несбит. В сказке «Фортунатос

Рекс и К°, или Загадка исчезнувших школьниц» рассказывается о том, как земли с лесами, полями и огородами застраивались однообразнейшими жильными кварталами, ибо по закону бизнеса «почти все крупные капиталы сколачиваются на превращении красоты в уродство». Мисс Робинсон, героиня этой сказки, «не имела способностей, поэтому избрала профессию учительницы, дабы учить других тому, что не умела делать сама» (цит. по переводу В. Дорогокупки). Для поднятия престижа школы она постоянно повышала требования... к родителям.

Король из «Книги зверей» выковыривал из короны драгоценные камни и покупал книги, а когда корона распаялась, он не смог заплатить лудильщику, в результате

Худ. Л. Карпенко

несколько поколений жили при республиканском режиме и... собирали деньги на новую корону. Это, оказывается, очень длительный процесс: на престол был приглашён лишь пра-пра-пра-пра-правнук — малолетний Лионель, который королевскому правлению предпочитал чисто детские забавы и озорничал, няне даже приходилось наказывать его: шлёпать, укладывать спать без чая, запрещать читать перед сном. Но, не без иронии пишет Несбит, «в ту минуту, когда надевал корону и восседал на трон,

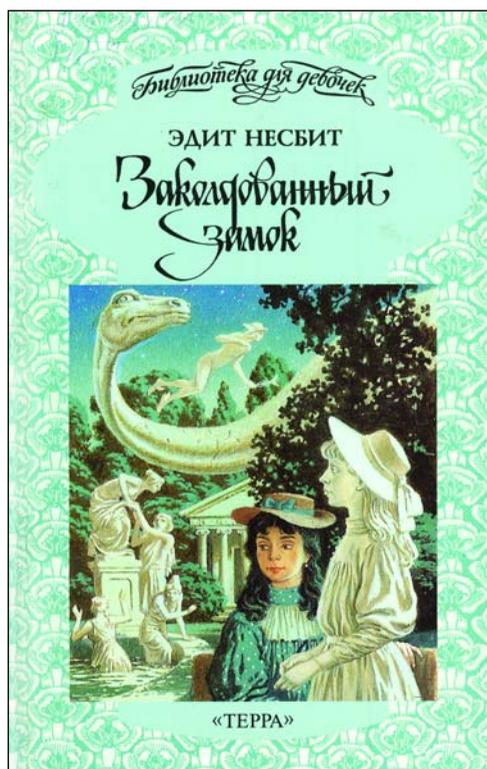
он становился непогрешимым. Это значило, что каждое его слово было верно и безошибочно» (цит. по переводу Г. Кружкова). Как-то, после провозглашения «очень мудрых и приятных законов», например о том, что все должны жить зажиточно и иметь в достатке сладких булочек к чаю, Лионель «вернулся домой и, очень довольный собой, стал делать куличики из песка». Трудно не вспомнить тут те законопроекты, которые предлагали депутаты детского парламента, созванного королём Матиушем из книги Януша Корчака.

Правда, жители города нет-нет да и роптали, «республиканское правление, — говорили они друг другу, — ничем не хуже монархии». Отношение к этим формам правления, по-видимому, не было однозначным у Несбит на протяжении её жизни. В молодости она входила в социалистическое Фабианское общество, первой книгой её был роман «Мантия пророка», написанный вместе с мужем — под псевдонимом Фабиан Блэнд. В романе отразились социалистические воззрения супругов, в главном герое узнавали П.А. Кропоткина. Однако в дальнейшем писательницу, наверное, стала чем-то привлекать королевская власть. Появились критические высказывания о президентском и парламентском правлении. В сказке «Принцесса и кошка» — в той самой, где в пять часов заварили кашу, — устроили революцию, после драматических перипетий и венчающего их «хэппи энда» «люди решили, что король ничуть не опаснее президента, и не дороже обходится, и куда лучше выглядит на праздничных церемониях...» (цит. по переводу Е. Дунаевской). В одной из последних повестей Эдит Несбит — «Волшебство сквозь слёзы» — говорится, что президенты алчны и лживы и всё достаётся лишь им и их приближённым. В результате установили монархию, выбрав короля и королеву из сухопутных людей (действие происходит в очень своеобразном подводном царстве, где нет воды: её выдули киты и касатки и всосали осьминожки).

Впрочем, вряд ли можно говорить о монархических пристрастиях поздней Несбит: монархи в её сказках — существа удивительные, часто ведут себя, как дети.

Самым популярным произведением Несбит является трилогия «Пять детей и оно» (в переводе М. Ириус повесть названа «Чудозавр» — по аналогии с ихтиозавром, брон-

тозавром и проч.); «Феникс и ковёр»; «История амулета». Любые желания детей выполняют здесь волшебные персонажи: древнее песчаное диво Псаммиад (он же Чудозавр), возродившаяся в огне камина птица Феникс, летающий ковёр (ковёр-самолёт?), половина древнего амулета. Это не персонажи-функции, а характеры. Псаммиад, например, ужасно боится сырости, очень раздражителен и страшно утомляется, когда, раздуваясь, должен исполнять очеред-

Худ. С. Бордюг, О. Филипенко

ное желание детей. А Феникс — не очень сообразительный, но тщеславный.

Что же касается самого исполнения желаний — волшебства, то здесь имеются определённые границы: действует оно лишь до захода солнца; взрослые вообще не замечают волшебных превращений, ибо не верят в них.

Но самое главное: исполнение заветных желаний чаще приносит горе, чем радость. Ставших прекрасными, как майское утро, детей не узнают дома — и они остаются на улице голодными до заката солнца. На россыпи золота им ничего не продают, грозят полицией: никто не верит, что они смогли получить это золото честным путём. Заказав себе крылья, дети в упоении полёта

после захода солнца оказываются на церковной колокольне. Встретившись с индейцами, они чуть не гибнут на костре, а предвзвительно индейцы снимают с них скальпы — не по злобе своей, а потому что «такой обычай» (вы же читали Фенимора Купера?). Скальпы эти бутафорские — парики из колленкора, специально сделанные детьми, чтобы быть похожими на индейцев, — к счастью для детей и к огорчению индейцев: им обидно, что скальпы снимаются так легко. А пока происходят эти страшные события, кухарка — взрослая! — ничего не замечая, преспокойно готовит обед и убирает комнаты. Всё это результаты волшебных деяний Псаммиада.

А волшебный ковёр на просьбу привезти из Персии самое удивительное, что там есть, возвращается со 199 голодными, злобно орущими кошками; на просьбу достать этим кошкам еды предлагает 398 крыс — по две на каждую. Когда же узнаёт, что кошкам нужно молоко, прилетает в комнату с коровой.

Лишь одно из желаний детей приносит реальную пользу: спасение от тюрьмы невинного человека в «Пяти детях...» и возвращение француженке обманом отнятого у неё имения в «Фениксе». Между прочим, выполняя последнее — полезное — желание детей, Чудозавр смягчается, его теперь не надо просить дважды. «Почему же, исполняя их (ребят. — Л.З.) последнюю просьбу, ворчливый Чудозавр не подмешал в радость горечи? — спрашивает автор предисловия и редактор перевода «Чудозавра» В.Н. Белоусов (М.: Ириус, 1993) и отвечает: — Неприятности сопровождают ребят, пока их желания крутятся вокруг собственного удовольствия, когда им в голову не приходит использовать могущество Чудозавра во благо другого человека».

Вспоминается катаевский «Цветик-семицветик». Знал ли Катаев произведения Несбит, нам неизвестно. Известно лишь то, что повесть «Пять детей и оно» выходила на русском языке в 1913 году, когда В.П. Катаеву было 16 лет.

В третьей повести трилогии — «История амулета» — дети совершают путешествия и в пространстве, и во времени. Они попадают в Древний Египет, в Вавилон, в финикийский город Тир, в Британию, когда её завоевывал Юлий Цезарь, в легендарную Атлантиду, в утопически совершенный (для

детей!) Лондон будущего. Среди его достоинств, между прочим, такое: в детской стены обиты подушками, а мебель резиновая — дети могут беситься сколько вздумается и будут чувствовать себя в безопасности.

Из путешествий герои (а с ними, естественно, юные читатели) извлекают уроки истории. Но прежде всего — уроки человечности: только у древних бриттов — в 55 г. до н.э. — обретёт родную душу девочка-сирота Имоджен, которую собирались отдать в работный дом.

Развитие этой темы можно увидеть в повестях «Дом Ардена» и «Удача Хардинга» (не переведённых пока на русский язык). Герои этих произведений, дети-сироты, а Дик Хардинг к тому же калека, совершают путешествия в прошлое. И только в XVII веке Дик становится Ричардом Арденом, человеком благородного происхождения и удачливой судьбы.

В «Истории амулета» мы встречаемся с путешествием и по «обратному» маршруту: из прошлого в настоящее. Оказавшаяся в современном Лондоне вавилонская королева, жившая две с половиной тысячи лет назад, возмущается тем, как здесь содержат рабов (именно так она воспринимает рабочих), а что касается их права голоса, то это, по её мнению, пустая болтовня. Сталкивается королева и с кэрролловским «безумным чаепитием» — в самом прямом смысле слова: кэбмен вдруг останавливается посреди улицы — пять часов, время чая.

История с вавилонской королевой — единственное приключение в «Истории амулета», отнявшее некоторое реальное время. В других цивилизациях, куда попадают дети — герои повести, реальное время отсутствует: возвращаются они в тот же момент, когда исчезли. Ведь нельзя же куски из прошлого вставить в настоящее, утверждает писательница. И диалоги их с представителями других стран и других цивилизаций весьма условны: все понимают друг друга без переводчика. Эти черты мы увидим и в позднем произведении писательницы — «Волшебство сквозь слёзы», а в дальнейшем — в «Хрониках Нарнии» К.С. Льюиса.

Чего только не происходит в сказках и сказочных повестях Эдит Несбит! «В жизни невозможно делать и половину того, что успевают делать в книжках», — писала она в «Искателях сокровищ» (цит. по переводу Е. Пудовкиной).